

Хорева Лариса Георгиевна

канд. филол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»

г. Москва

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОН: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

***Аннотация:** статья посвящена исследованию истории изучения литературного сна как структурного элемента художественного произведения. Сон/сновидения и близкие ему тождественные состояния играют важную роль в анализе художественного произведения и определении характера его художественной реальности, поэтому важно изучать данную категорию в междисциплинарном аспекте. Автор, используя описательный и сравнительно-сопоставительный методы, приходит к выводу, что в основу теоретических исследований онейрической реальности легли произведения Ф.М. Достоевского, где впервые появляются мотивы сна как безумия, смерти, и принципы архаического мышления при интерпретации мотивов сна.*

***Ключевые слова:** сон, онейрическая реальность, Достоевский, фрейдизм, архаическое мышление.*

В отечественном и зарубежном литературоведении сегодня представлено много работ, анализирующих сон как элемент художественной структуры произведения.

Литература XIX столетия активно обращается к теме сновидений, что далеко не случайно, поскольку в указанный период идеи З. Фрейда произвели эффект разорвавшейся бомбы не только в психиатрии и психологии. П.В. Анненков в 1849 писал, что, благодаря Фрейду количество писателей, занимающихся историей помешательств и онейрических видений (то есть сновидений), уже не поддается никакому счету [1].

Мы полагаем важным здесь отметить, что сам Зигмунд Фрейд весьма активно интересовался романами Ф.М. Достоевского, написав в одном из писем, что прочитал фактически все сочинения русского писателя и обратив особое

внимание на сны персонажей, так что онейрическая реальность романов Ф.М. Достоевского сыграла не последнюю роль в появлении и развитии теорий самого Фрейда.

Однако увлечение фрейдизмом как в русской, так и мировой литературе привело к путанице понятий. Литературоведы и критики начинают рассматривать сон и как элемент художественного текста, и как явление психофизического характера (уходя на территорию медицины). Тем не менее филологические работы по теме литературных сновидений также были довольно широко представлены в отечественном и зарубежном литературоведении.

Одной из первых работ, посвященных теме сна в отечественной литературе, стала статья Д. В. Философова «Сны» (1912). Автор уподобил сны газетной хронике: действительность, искаженная в зеркале прессы, подобна «ветхой ткани» снов [13]. Д. Философов выделил основные два качества сна: причинную обусловленность и фрагментарность, указав среди прочего на теснейшую связь образа сновидения и фактов реальной жизни, отрицая, тем самым, мистическую составляющую сна и делая акцент на роли сна в раскрытии внутреннего мира литературных персонажей.

Ряд исследователей (Н. Андреев, А. Бем, К. Мочульский) акцентировали связь сновидений с психическими травмами, пережитыми персонажами в прошлом.

Столетие выхода в свет «Толкования сновидений» З. Фрейда было ознаменовано публикацией ряда работ, среди которых выделяются статьи Д.П. Брылева, который высоко оценил применение психоаналитических методов в литературе. Он так же подчеркнул, что значение теории Фрейда с годами только возрастает в связи с общими проблемами психологического анализа [3].

С ним согласился Р. Маслов, полагающий, что сновидение было и является эффективным приемом в изучении души человека, определяющим фактом духовного роста персонажа [8].

В 80–90-е гг. XX века продолжается интенсивное исследование сновидений. В 1984 выходит в свет работа американского исследователя М. Каца

«Сновидения и бессознательное в русской литературе XIX века» [15], в которой автор анализирует сновидения на основе огромного корпуса текстов русской классической литературы: Пушкина, Гоголя, Толстого и Достоевского. Исследователь сделал успешную попытку соединить воедино анализ текста и опыт работы психоаналитиков последних поколений. Подчеркнув важную роль снов/сновидений как патологического пласта, автор, тем не менее, отказался от прямой проекции теории Фрейда на творчество русских писателей, указав, что сны следует рассматривать как точки отсчета модификации внутреннего мира персонажей.

За пятьдесят лет до этого фактически об этом же пишет А. Бем [2] который вводит в научный оборот понятие «развертывание сна», понимая под ним сюжетный ход, повышающий драматизацию сна, дающий ключи к интерпретации символов и образов сновидения, сближающий сон с родственными ему состояниями бреда и галлюцинации. Разбирая сны персонажей Достоевского, исследователь отмечает, что практически все романы русского классика представляют собой развернутые сны, поскольку реальные события только оттеняют события снов. Сон не сливается с реальностью, как можно этого ожидать, сны персонажей Достоевского плавно перетекают в видения, которые персонажи романов принимают за реальность. Сны становятся художественными обобщениями внутренних конфликтов, буквально раздирающих героев, и раскрывают тайны их внутреннего мира.

А. Бем приходит к выводу, что большую часть произведений Достоевского можно назвать романами-снами, а его творчество – снотворчеством, что определяет специфику сюжета и особенности сюжетно-композиционного построения всех его произведений.

Крупной работой по данной теме стал опубликованный в 1991 беллетризованный вариант диссертации Д.А. Нечаенко «Художественная природа литературных снов» [10], где автор систематизировал опыт исследований по природе, структуре, видам и мотивам сновидений в русской литературе. Эта работа обобщила практически весь имеющийся материал по данной теме, начиная с опытов

по физиологии доктора Павлова и заканчивая исследованиями сновидений в произведениях романтиков А. Бегена.

Автор указывает, что соотношение двух концептов «жизнь» и «сон» становятся основополагающими в русской литературе, начиная со «Слова о полку Игореве» и заканчивая романами Достоевского и Толстого.

В этой же работе Д.А. Нечаенко делает попытку классифицировать мотивы сна в русской литературе, выделяя следующие:

- сон есть жизнь (перефразируя знаменитую фразу Кальдерона);
- сон как божественное откровение;
- сон как предсказание;
- сон как духовное испытание;
- сон как путь обретения истины;
- сон как безумие.

Мы согласимся с исследователем в том, что сон в русской литературе присутствует не как единичный мотив, а, как правило, комплекс таковых. Роль последних трудно переоценить, поскольку крупные мотивные комплексы снов существенно дополняют, а порой и определяют портрет главных действующих лиц, ведь к постижению диалектики бытия, вопросов добра и зла, преступления и покаяния, герои классической русской литературы обычно приходят через размышления над смыслом собственных снов. В ряде романов (И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, Н.Г. Чернышевский) сны настолько важны, что могут рассматриваться как самостоятельные жанровые образования, обладающие собственной структурой, смыслом и логикой.

Работы других теоретиков дополняли и развивали уже проведенные исследования.

А.И. Михайлов в статье «О сновидениях в творчестве Алексея Ремизова и Николая Клюева» [9] также предложил интерпретировать сновидение как некий особый жанр, поскольку образы сна как нельзя лучше и полно рисуют внутренний мир героя, представляя собой ряд законченных мотивов, которые вкупе позволяют понять авторские интенции.

На протяжении всего XX столетия исследователи продолжают делать попытки классифицировать сны по их функции в произведении, тогда же встал вопрос о методологии исследования.

Альбер Беген в работе «Романтическая душа и сон» [14] одним из первых предложил три подхода: психологический, литературоведческий и метафизический.

Первый подход использует сон в качестве материала для исследования психического состояния героя или автора. Второй подход – литературоведческий – тяготеет к тому, чтобы рассматривать сон как особый элемент художественного произведения, который чаще всего становится сюжетообразующим и превращается в ситуативную доминанту всей рассказанной истории. Третий подход – метафизический – коррелирует с представлениями древних о том, что онейрическая реальность является не менее (а, возможно, и более) важной, чем реальность обыденной жизни. Метафизическая модель толкования сновидений, согласно А. Бегену, будучи самой ранней из трех, одновременно является наименее консервативной, поскольку впитывает в себя достижения последних лет в области аналитической психологии и позволяет максимально полно рисовать портрет сновидящего.

М. Дынник в статье «Сон как литературный прием» [5] предлагает иную классификацию сновидений, основанную, прежде всего, на его функциональном предназначении.

Согласно предложенной им классификации сон может играть роль рамки литературного произведения. В связи с этим можно выделить основной мотив такого сна – введение в фантастическую ситуацию и/или объединения под эгидой сна множества разных сюжетов. Так, в сказках «1001 ночи» сон купца Абу-Гассана, в начале и в конце рассказа, служит рамкой для развития основного сюжета приключений «Калифа на час».

Сон также может стать основным сюжетом произведения. Данный вид сходен с предыдущим, но не тождественен ему, поскольку, автор изображает сновидение не как рамку, а как форму для развития основного сюжета. Таким образом,

все литературное произведение является содержанием сна одного из действующих лиц.

Сон может играть роль значимого эпизода в теле текста. Автор изображает то, что для него особенно важно, а для читателя значимо. Таким будет сон Обломова в одноименном романе Гончарова. Здесь автор соединил все, что важно и необходимо для понимания всего романа.

Сон может служить неожиданным разъяснением фантастического сюжета. Такое часто бывает, когда автор рисует перед читателями фантастическую ситуацию, являющуюся частью запутанного сюжета, и только в конце произведения уточняется, что все происходило во сне. Такой прием использует Гоголь в своей повести «Майская ночь, или утопленница».

Сон может играть роль завязки и/или разрешения сложной коллизии. С подобной функцией сновидения мы встречаемся в пьесе Шекспира «Макбет».

В конце концов, сон призван создать определенный эстетический эффект. Примером такой функции использования сна становится «Демон» М.Ю. Лермонтова.

Особняком стоят вещие сны, которыми также изобилуют литературные произведения. Они важны, поскольку задают определенный вектор ожидания читателей. Таков вещий сон Анны Карениной в одноименном романе Льва Толстого, таков сон Татьяны Лариной, в котором она видит Евгения Онегина, убивающего Ленского.

Здесь мы можем говорить о сновидении как об особом художественном приеме, который предопределяет развязку.

В этом разделе мы полагаем важным остановиться на мотивах и функциях сновидений в творчестве Ф.М. Достоевского, поскольку оба исследуемых нами писателя по праву считаются его преемниками и наследниками творческого метода.

Тема сна в романах Достоевского изучена достаточно глубоко. Действительно, сам писатель в жизни придавал снам большое значение. Известно его

письмо А. Сниткиной, в котором он пишет, что следует серьезно относиться к снам, поскольку большая часть их является вещами [11].

В.Н. Топоров, исследуя тексты Ф.М. Достоевского, отмечает их глубинную связь между собой, основой которой являются сновидения [12]. Он же предлагает анализировать романы Достоевского с использованием фрейд-юнгианского психоанализа, говоря, что писатель практически во всех произведениях ведет себя как опытный психоаналитик. Основные функции его снов – исполнение желаний, вытесненных в подсознание как постыдных.

«Преступление и наказание», по мысли Р. Мортимера [16], является энциклопедией символов сновидений и их тайных кодов, ведь каждый сон Родиона Раскольникова становится высвобождением его желаний, опять-таки примитивных и постыдных. Этот катарсис по Достоевскому повторяется и в других его произведениях, что привело еще к одному уникальному явлению – попытке анализа поведения героев с точки зрения психотических заболеваний. Хотя этот подход высмеивал еще Н.А. Добролюбов, даже сегодня, в XXI веке, основной идеей ряда героев Достоевского считают психические заболевания, расщепление сознания, которое ярко проявляет себя именно в сновидениях.

М. Вудфорд [4], рассуждая о роли сновидений в произведениях Достоевского, делает интересный вывод о том, что Достоевский отличается от других писателей тем, что у его героев превалирует бессознательное мышление. Именно оно порождает химеры, преследующие их во снах и определяющие их поступки наяву. Бессознательное начало заявляет о себе только тогда, когда герои находятся в состоянии измененного сознания, то есть сна.

Бессознательное мышление обуславливает особенности языка повествования: неровность и нервность повествовательной структуры, подчас рваное повествование, насыщенное событиями; нарушение законов пространства и времени; острое мучительное переживание ряда моментов из собственной истории; идеи фикс, преследующие на протяжении жизни. Все эти факторы значительно усиливают драматический эффект.

А. Бем полагал, что заслуга Достоевского в том, что он стирает границы между сном и реальностью, первым из писателей проведя параллели между сном, бредом и подсознанием, благодаря чему его герои живут одновременно в двух реальностях: окружающей действительности и онейрической, причем обе являются для героев Достоевского равноценными и равнозначными.

Подобное отсутствие границ между сном и явью было характерно для архаического мышления, что, в частности, подтверждает еще Вяч. Иванов [6], говоря, что в числе характеристик персонажей Достоевского должно присутствовать мифологическое сознание. С ним соглашаются А. Бем и В.Н. Топоров. Последний, рассуждая о функции сна и порожденного им бреда, приходит к выводу, что использование этих элементов задает совершенно иной тон всем произведениям, переводя их в регистр природных и архетипических текстов.

Об этом же пишет Ю.М. Лотман [7], именуя особенности сна героев Достоевского пятой стихией, которая обуславливает процессы мироздания.

Наблюдение очень любопытное. Проводя параллели с Пушкиным, у которого стихия символизирует смерть, мы можем выделить следующий мотив сна у Достоевского: сон – это смерть.

Мысль – не новая, если вспомнить работу Д.А. Нечаенко, который предложил интерпретировать роман «Преступление и наказание» как посмертные приключения души убийцы, которая мечется между ангелом в лице Сони Мармеладовой, бесом в лице Свидригайлова и высшим Судией в лице следователя Порфирия Ивановича, и не может найти покой. В этой же работе мы встречаем следующую классификацию снов Раскольникова: сон-галлюцинация, сон-бред, сон-предупреждение, сон-желание, сон-безумие (он же смерть).

Суммируя все вышесказанное, мы можем сделать вывод о том, что онейрическая реальность, то есть реальность сновидений в произведениях русской литературы XIX столетия, становится визитной карточкой ряда отечественных авторов, в том числе Ф.М. Достоевского, который предложил целый ряд мотивов сна. Именно мотивы сна Достоевского определили в дальнейшем тенденции

развития мотивного комплекса сна в русской литературе, где литературный сон становится преимущественно синонимом безумия и предупреждения.

Список литературы

1. Анненков П.В. Заметки о русской литературе 1848 года // Анненков П.В. Критические очерки. – СПб.: Рус. Христианский гуманист. ин-т., 2000. С. 11–32.
2. Бем А.Л. Развертывание сна («Вечный муж» Достоевского) // Достоевский: психоаналитические этюды. – Прага: Петрополис, 1938. – С. 54–76.
3. Брылев Д.П. К 100-летию выхода книги З.Фрейда «Толкование сновидений» // Вопросы психологии. – 2000. – №1. – С. 134–155.
4. Вудфорд М. Сновидения в мире Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. – М.: Классика плюс, 1999. – №12. – С. 135–144.
5. Дынник М. Сон, как литературный прием // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов. В 2 т. Т. 2. – М.; Л., 1925. – Стлб. 645–649.
6. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 282–311.
7. Лотман Ю.М. Образы природных стихий в русской литературе (Пушкин-Достоевский-Блок) // Пушкин. – СПб.: Искусство-СПб, 1995. – С. 814–820.
8. Маслов Р. Символика сновидений как инструмент исследования психики человека // Бытие и познание / Р. Маслов. – Саратов: СГТУ, 1999. – С. 22–27.
9. Михайлов А.И. О сновидениях в творчестве Алексея Ремизова и Николая Клюева // Алексей Ремизов. Исследования и материалы / ред. А.М. Грачева. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. – С. 89–103.
10. Нечаенко Д.А. Художественная природа литературных сновидений: русская проза XIX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1991. – 293 с.
11. Сниткина-Достоевская А.Г. Из воспоминаний // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В.В. Григоренко. – М.: Художественная литература, 1964. – 252 с.

12. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. – М.: Прогресс-Культура, 1995. – 624 с.

13. Философов Д.В. Сны // Философов Д.В. Старое и новое. – М.: Изд-во т-ва И.Д. СЫТИНА, 1912. – С. 22–28.

14. Beguin A. El alma romantica y el Sueño. – Mexico: Fondo de Cultura Económica, 1939. – 500 p.

15. Katz M. Dreams and unconscious in nineteenth-century Russian fiction. – Hanover; London: University Press of New England, 1984. – 227 p.

16. Mortimer R. Dostoevski and the dream // Modern philology. – Chicago: University of Chicago Press, 1956. – P. 106–116.